

Г. Лахманн

Оскар Уайльд

Биография-характеристика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г11

Г11 **Г. Лахманн**
Оскар Уайльд: Биография-характеристика / Г. Лахманн – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-458-15234-1

Биография Оскара Уайльда за авторством Гедвига Лахманна в переводе
Наталии Хмельницкой.

ISBN 978-5-458-15234-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА.

ГЕДВИГА ЛАХМАНЪ.

(Hedwig Lachmann).

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ.

Біографія - характеристика.

Переводъ съ нѣмецкаго Наталіи Хмѣльницкой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ С.-П.-бургѣ.

7 рота, д. 26.

Типографія Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ).
7 рота, д. 26.

Оскаръ Уайльдъ.

Какъ въ трагической поэмѣ, гдѣ судьба героя съ неуклонной послѣдовательностью разворачивается изъ отдѣльныхъ чертъ и положеній, — такъ, — словно рожденная мыслью поэта и перенесенная въ нашъ міръ, — протекаетъ жизнь Оскара Уайльда.

Творческая воля и роковая игра судьбы тѣсно переплелись въ ней. Съ блистательной увѣренностью, подобно кормичу, направляетъ поэтъ свою жизнь на имъ самимъ намѣченные пути; въ самозабвенномъ упоеніи даетъ ей свободно мчаться все дальше и дальше, — а затѣмъ снова спокойно и обдуманно подчиняетъ ее законамъ своего творческаго духа. Жизнь его кажется воплощеніемъ кѣмъ-то тайно задуманнаго типа, поэтическимъ вымысломъ, вознесеннымъ изъ глубинъ фантазіи въ дѣйствительность собственными руками его творца, который спокойнымъ, испытующимъ взглядомъ наблюдаетъ свое твореніе вплоть до жесточайшихъ извивовъ душевныхъ мукъ.

Если въ нашемъ культурномъ мірѣ появляется яркая личность, пріобрѣтшая вліяніе на какое-нибудь умственное движеніе, то, обыкновенно, тотчасъ-же, по отдѣльнымъ, бросающимся въ глаза признакамъ и странностямъ, снѣхаетъ создать цѣльную характеристику, въ которой скрытая природа человѣка, настоящее его «я», является чѣмъ-то побочнымъ. Этотъ методъ особенно часто примѣнялся въ отношеніи Уайльда. Онъ самъ значительно облегчаетъ возможность, на основаніи внѣшнихъ признаковъ, причислить себя къ опредѣленной категоріи.

Все, что было известно о немъ: анекдоты, эксцентричности въ манерахъ, въ одеждѣ, странности его вкуса, страсть къ подражанію великимъ предшественникамъ, его желаніе быть центромъ вниманія, заставлятъ говорить о себѣ и т. п. — все это, въ цѣломъ, давало матеріалъ для отрицательныхъ и одностороннихъ сужденій, благодаря которымъ создавался воплѣ законченный образъ, глубоко противорѣчащій общему облику поэта.

Именно у Уайльда самыя рѣзкія чудачества и сложнѣйшія утонченности требуютъ болѣе глубокаго психологическаго анализа, чѣмъ простое утвержденіе, что онѣ лишь дополняютъ собой типичный обликъ дегенерата, какимъ его обыкновенно изображаютъ.

Нечего и говорить, что всѣ эти причуды, — сами по себѣ, конечно, не представляющія ничего цѣннаго, — воплѣ присущи ему, да и самъ онъ всегда хотѣлъ, какъ можно ярче проявить себя именно съ этой стороны; но неправильно было-бы предполагать, что причиной всѣхъ этихъ своеобразностей была дустая, суетная мелочность, — напротивъ: всѣ онѣ сводились къ одному основному началу — чувству стиля, которое онъ сознательно противопоставлялъ безвкусицѣ окружающей среды, подчеркивая его даже въ незначительныхъ мелочахъ.

Для Англіи Уайльдъ былъ потому уже значительнымъ явленіемъ, что представлялъ собою воплощенное обобщеніе всего того, къ чему, въ различныхъ теченіяхъ, проложили путь другіе смѣлые умы, какъ Рёскингъ, Моррисъ, Свинбернъ, Россетти.

Если Рёскингъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ возвѣстилъ, что искусство облагораживаетъ человѣчество, если Моррисъ впервые открылъ значеніе декоративныхъ искусствъ для практической жизни; если Свинбернъ и Россетти ввели въ поэзію неслыханные доселѣ звуки страстной мелодіи и внесли въ область чувственныхъ переживаній новыя цѣнности ощущеній, — то Уайльдъ явился душеприказчикомъ, осущес-

стившимъ эти объединенные замыслы: — то, что составляло культурное завѣщаніе каждаго изъ этихъ великихъ людей, для него было уже естественнымъ чувствомъ. Въ немъ нашла себѣ ясное выраженіе идея времени, смутно бродившая во многихъ головахъ и порождавшая немало заблужденій: всѣ проявленія жизни слѣдуетъ разсматривать не съ точки зрѣнія призрачныхъ моральныхъ качествъ, а какъ форму явленій, — это воззрѣніе, дѣлающее красоту критеріемъ цѣнности. Студентъ Уайльдъ жадно воспринялъ идею независимости искусствъ отъ морали, девизъ «искусство для искусства», — онъ сразу сталъ ихъ горячимъ поборникомъ. По мѣрѣ его дальнѣйшаго развитія, эта теорія искусства разрослась въ цѣлый жизненный принципъ, она заполнила всѣ области его отношенія къ жизни и достигла небывалой глубины и значенія.

Въ терминѣ «эстетъ» всегда звучатъ непріятныя нотки; въ нихъ слышится подозрѣніе, что жизнь въ ея цѣломъ, взятая подъ угломъ эстетическаго міросозерцанія, не можетъ получить истиннаго освѣщенія. Красота, какъ элементъ дѣйствительности, считается, обыкновенно, явленіемъ низшаго порядка по сравненію съ безчисленными жизненными энергіями, которыя образуютъ, поддерживаютъ, разрушаютъ и уничтожаютъ существованіе и отдѣльнаго индивида, и всего мірозданія. Отсюда — вѣчная непріязнь искусства и жизни, отсюда — многочисленность формъ искусства, въ большей или меньшей степени основанныхъ на неправильномъ представленіи объ истинной сущности художественно-прекраснаго. Принципъ красоты въ искусствѣ — происхожденія чисто-духовнаго: онъ совершенно не считается съ признаками, имѣющими цѣнность въ мірѣ физическомъ; всѣ явленія жизни: отъ самыхъ низшихъ, до самыхъ высшихъ, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ совершенныхъ, — должны быть преобразованы мыслью художника прежде, чѣмъ принять формы красоты. Жизнь относится къ искусству,

какъ міръ матеріальный къ міру духовному, и только тотъ поистинѣ эстетически взираетъ на міръ, для кою тѣлесныя формы — лишь отраженіе душевныхъ явленій, кто умѣетъ освободиться отъ мимолетныхъ впечатлѣній, чтобы воспринять цѣлое, кто умѣетъ отвлечься отъ дѣйствительности, чтобы съ тѣмъ болшею силою пережить откровеніе о сущности вещей.

Такъ какъ Уайльдъ отвѣчалъ всѣмъ этимъ условіямъ, — онъ и явился эстетомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Если-же онъ, сверхъ того, былъ эстетомъ въ духѣ времени, то это объясняется тѣмъ, что онъ стремился логически обосновать свое духовное достояніе.

* * *

Оскаръ О'Флаэрти Уайльсъ Уайльдъ родился въ Дублинѣ 15 октября 1856 г. Отецъ его, сэръ Вилльямъ Робертъ Уайльсъ Уайльдъ — хирургъ и изслѣдователь старины, былъ извѣстенъ на своей родинѣ капитальными сочиненіями по лѣченію глазныхъ болѣзней и археологическими изысканіями. Какъ характерную для его любовнаго отношенія къ своимъ трудамъ черту, слѣдуетъ указать, что первые заработанные имъ 1000 фунтовъ онъ употребилъ на устройство глазной лѣчебницы, и въ теченіи всей своей жизни лѣчилъ бѣдныхъ бесплатно.

Мать поэта, Джонъ Франциска, дочь англиканскаго пастора Эльджи, была поэтессой и пламенной патріоткой. Она принимала дѣятельное участіе въ ирландскихъ возстаніяхъ сороковыхъ годовъ и своими сочиненіями въ прозѣ и стихахъ возбуждала въ молодежи духъ возстанія и національнаго одушевленія. Подписывалась она «Лэди Сперанца»; она составила также сборникъ легендъ и религіозныхъ обрядовъ Ирландіи.

Такимъ образомъ, мальчикъ получилъ въ наслѣ-

діе благородную семейную культуру; лучшимъ доказательствомъ неподдѣльности его фантазіи и духа независимости служить именно то, что они выросли на благодатной почвѣ наслѣдственности.

Его духовное развитіе съ самаго начала вращается въ сферѣ художественнаго. Годы его ученія въ оксфордскомъ Магдалэнъ-коллѣджѣ совпали со временемъ, когда Рёскинъ занималъ въ Оксфордѣ кафедру искусства. Это обстоятельство несомнѣнно должно было послужить мощнымъ толчкомъ къ развитію природныхъ дарованій и наклонностей Уайльда. Рёскинъ вліялъ прежде всего своей личностью. Особенно сильно увлекла молодого Уайльда идея, что на законахъ, лежащихъ въ основѣ искусства, можно построить всю нашу жизнь. Ученіе Рёскина представляло собой властный призывъ къ сосредоточенію всѣхъ силъ для самоусовершенствованія путемъ искусства, и это должно было дѣйствовать рѣшающимъ образомъ на такія впечатлительныя натуры, какъ Уайльдъ. Насколько глубоко подчинялся онъ учителю, и какъ серьезно принималъ его слова, показываетъ слѣдующій интересный фактъ: въ молодости Уайльдъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, слѣдуя совѣту Рёскина, выкладывалъ камнями дорогу близъ Оксфорда.

Но вскорѣ онъ совершенно разошелся съ Рёскинымъ въ своихъ основныхъ взглядахъ. Впрочемъ, въ теченіи всей своей жизни Уайльдъ продолжалъ преклоняться передъ нимъ и глубоко чтить его, — не столько за его воззрѣнія на жизнь и искусство, сколько за величіе натуры Рёскина и мощный полетъ его теорій, несмотря на то, что содержаніе ихъ не всегда совпадало съ собственными взглядами Уайльда.

Во вступительной статьѣ *) къ сборнику стихотвореній Реннель Родда «Цвѣтъ розы и яблони», вышедшему въ Филадельфіи въ 1882 году, Уайльдъ

*) Статья эта вышла на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Эстетическій манифестъ“.

говорить, что игнорированіе Рёскинымъ чувственаго элемента въ искусствѣ было рѣшающимъ пунктомъ, изъ-за котораго онъ навсегда разошелся съ Рёскинымъ вмѣстѣ съ группой молодыхъ людей, стремившихся, подобно ему, «завершить англійское Возрожденіе». По мнѣнію Уайльда, произведеніе искусства должно воздѣйствовать не на нравственную природу человѣка, а исключительно на его способность къ наслажденію, и единственной цѣлью художника является пробужденіе зрителя настроеніемъ, благодаря которому послѣдній могъ-бы пережить въ себѣ твореніе мастера. «Картина, напримѣръ», говоритъ Уайльдъ въ этомъ предисловіи, «въ существѣ своемъ вовсе не таитъ ничего такого, что дѣлало-бы ее исполненною большаго духовнаго значенія или смысла для насъ. Чѣмъ голубой кирпичъ изъ дамасской стѣны или вазы японскаго фарфора. Это — не болѣе, какъ красиво раскрашенная поверхность, и вліяетъ она на насъ не украденной у философіи идеей, не заимствованнымъ у литературы пафосомъ, не похищеннымъ у поэта чувствомъ, — а собственной своей несказанной сущностью, особой формою истины, которую мы зовемъ стилемъ, взаимоотношеніемъ цѣнностей, отличающимъ живопись, качествомъ выполненія, арабесками рисунка, сверканьемъ красокъ — всего этого достаточно, чтобы заставить дрожать сокровеннѣйшія божественныя струны, порождающія музыку нашей души, — потому что краски уже сами по себѣ — мистическое жизненное начало, скрытое въ вещахъ, а ихъ тонъ — самостоятельный видъ ощущеній».

*
* *

Жизненный путь Уайльда проходитъ, какъ единая линія, которая сильнымъ, прямымъ, неуклоннымъ размахомъ стремится впередъ и, — какъ рѣка обрушивается въ свое устье, — разражается катастрофой.

вышнимъ образомъ заканчивающей эту блестящую жизнь. Уайльдъ живетъ, какъ человѣкъ, желающій воплотить мечту въ дѣйствительности. Надъ всей его жизнью сіяетъ праздничный блескъ, — отраженіе шумныхъ пировъ, упоенныхъ танцевъ, благородныхъ, торжественныхъ игръ. Дѣйствительность онъ переноситъ въ царство фантазіи, а изъ этой послѣдней, словно изъ таинственнаго дара волшебника, извлекаетъ онъ сокровища, чтобы безпечно расточать ихъ предъ дѣйствительностью. Онъ — король жизни и въ то-же время бѣглець отъ міра. Отъ дѣйствительной жизни онъ требуетъ общихъ впечатлѣній, большихъ всеохватывающихъ очертаній, цѣльныхъ образовъ; ничего мелкаго, неважнаго, никакихъ подробностей, будничныхъ происшествій. Все, что происходитъ во вышнемъ мірѣ, — сумбурно, безсвязно, схематично; ясно, что истинная родина и неизсякаемый источникъ наслажденія — одно лишь искусство, гдѣ каждое движеніе совершается въ главномъ ритмѣ, и судьбы отграничиваются другъ отъ друга чистыми формами.

Этимъ абстрактнымъ, чуждымъ міру настроеніемъ объясняется его безукоризненное чувство стиля, которое онъ переноситъ на вещи съ доходящимъ до суровости самоотреченіемъ. Потому-то именно онъ и могъ дать такую до жестокости выдержанную вещь, какъ «Саломея», которая кажется совершенно отрѣшенной отъ окружающей насъ жизни. «Дѣйствительная жизнь — это хаосъ, но въ фантазіи заключена ужасающая логичность», говоритъ Уайльдъ въ «Доріанѣ Греѣ», и если это свойство фантазіи обладаетъ достаточной силой, чтобы, путемъ обратнаго воздѣйствія на реальную жизнь, подвинуть человѣка на гибельные для него рѣшенія и поступки, — то въ искусствѣ, гдѣ доминирующій принципъ — законѣрность, оно является благословенной творческой энергіей.

Уайльдъ выступилъ на литературное поприще томомъ стихотвореній, вышедшимъ въ 1881 году. Стихотворенія эти не равноцѣнны по своимъ достоин-

ствамъ, и на нихъ сильно чувствуется вліяніе классическихъ образцовъ, что, вообще, свойственно английской поэзіи, которая охотно заимствуетъ мотивы и образы изъ греческой міеологіи. Въ нихъ чувствуется какая-то схематичность, оттѣнокъ научности, какъ лакомъ покрывающій истинно-поэтическіе элементы. Увлечение Уайльда эллинизмомъ и его культурой не отлилось еще въ форму, найденную имъ впоследствии. Когда онъ сталъ уже зрѣлымъ художникомъ: въ эллинизмъ онъ научился видѣть символъ грядущаго человечества, осуществившаго идеалы свободы и равенства, — творческій приѣмъ, которымъ художникъ пользуется для воплощенія своихъ стремленій.

Отъ дѣйствительной жизни въ идеальный міръ Уайльда притекають горячія, какъ кровь, животельныя силы, и имъ обязанъ онъ такими прекрасными, идеальными по формѣ и чувству строфами, какъ сонетъ «Къ свободѣ» или реквиѣмъ умершей сестрѣ, нѣжныя, мелодичныя пѣсни любви, «Впечатлѣнія утра» — картинка лондонскаго утра на Темзѣ, когда желтые туманы расползаются по мостамъ, превращая дома въ призрачныя тѣни, и блѣдная женщина, съ пылающими губами и сердцемъ изъ камня, одиноко стоитъ въ тускломъ свѣтѣ газоваго фонаря. Но его поэзіи еще не достаетъ того элемента, который дѣлаетъ Уайльда единственнымъ среди множества поэтовъ. Звукъ, мелодія, ритмъ, — хотъ они и вызваны глубокими душевными переживаніями, — еще лишены исключительно имъ присущаго колорита, отраженія интимнѣйшаго «я» поэта, еще не написанъ «Сфинксъ», — этотъ ужасающе-прекрасный, мѣдно-звучный монументъ, носящій всѣ черты высшаго мастерства формы. Жизнь и поэтъ еще не такъ тѣсно сроднились другъ съ другомъ, чтобы онъ могъ творить изъ нея.

Многое стоитъ еще на пути поэта-лирика, прежде чѣмъ у него выработается такая власть надъ формой, что изъ потока явленій, изъ бурнаго натиска переживаній, изъ обилія личныхъ ощущеній онъ нау-